

ЗООЛЕКСЕМЫ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Zoonyms as Representatives of the Karachay-Balkar Linguistic Picture of the World

Mussa B. KETENCHIEV*

Резюме: Данная статья посвящена зоонимической лексике карачаево-балкарского языка. В ней предпринята попытка выявить и описать роль зоолексем в репрезентации карачаево-балкарской языковой картины мира на основе взаимосвязи языка, мышления и культуры. В статье представлены этноспецифические образные средства, которые характеризуют носителя карачаево-балкарского языка посредством аниморфологических языковых единиц. При этом значительное внимание уделяется метафорическому переносу животное – человек, отражающему культурно-маркированные стереотипы, которые наиболее релевантны для карачаево-балкарского этноса. В качестве манифестантов данных стереотипов выбраны в большей степени характеризующиеся коннотативной семантикой языковые дескрипции – паремии и фразеологические единицы, содержащие в своем составе зоолексемы.

Ключевые слова: Карачаево-балкарский язык, языковая картина мира, лингвокультурология, зоолексема, стереотип.

Abstract The paper focuses on zoonyms in the Karachay-Balkar language. It attempts to identify and describe the role of zoonyms in the representation of the Karachay-Balkar linguistic picture of the world based on the interrelation of language, mentality and culture. The article presents ethnospecific figurative means characterizing native speakers of the Karachay-Balkar language through animal morphological units. A great attention is paid to metaphoric transfer animal – people, reflecting culturally-marked stereotypes that are most relevant for the Karachay-Balkar ethnic group. Linguistic descriptions, paroemias and phraseological units with zoonyms, to a greater extent characterized by connotative

Makale Gönderim:
04.10.2015
Kabul Tarihi:
10.12.2015

* Кетенчиев Мусса Бахаутдинович, Prof. Dr. Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова, РФ КБР, Нальчик, ketenchiev@mail.ru

semantics are selected as demonstrators of these stereotypes.

Keywords: *The Karachay-Balkar language, linguistic picture of the world, cultural linguistics, zoonym, stereotype*

Карачаево-балкарское языкознание достигло значительных успехов в научном изучении целого ряда уровней языка: фонетики, лексики, морфологии, синтаксиса. Об этом свидетельствуют многие монографические и иные исследования, которые проводились с позиций семасиологии и ономасиологии. На сегодняшний день налицо тот факт, что лингвистические исследования ориентированы на другую парадигму. Иначе говоря, «языковедческая наука на данном этапе включает в себя и то, что ранее считалось «не лингвистикой», т.е. отмечается значительным расширением сферы интересов. Язык рассматривается в своей погруженности в жизнь. ... понять сущность языка представляется возможным лишь исходя из человека и окружающей его действительности. Языковые проблемы рассматриваются в тесной связи с сознанием, мышлением, деятельностью лица» (Ketenchiev, 2010: 7).

На современном этапе развития общества важной представляется задача, связанная со стремлением сохранить свой язык, обычаи, традиции, национальный характер в многообразии других народов, что дает толчок к знанию и самопознанию, к пониманию своей этнокультурной идентичности.

В контексте данного исследования релевантен учет этноспецифических образных средств, которые характеризуют человека посредством аниморфологических языковых единиц, содержащих яркий, характерный, легко переосмысливаемый значимый признак поведения животного. Стереотип-образ отражает определенный признак, наиболее существенный для данного животного, насекомого или птицы, который легко осмысливается в языковом сознании говорящих. Тот факт, что номинации животных, наиболее часто употребляемые для определения аксиологических свойств человека и его поведения, вводят в язык непрерывное множество частнооценочных концептов, и привлекает наше внимание.

Жители города не всегда осознают ту роль, которую занимает в их культуре анималистический пласт лексики. Сами по себе слова, входящие в этот пласт лексики, в своих базовых значениях, оказались на далекой периферии повседневного уза, немногие исключения – *кошка, собака, осел* и имена нескольких не очень приятных синантропных организмов типа крысы, гадюки лишь подтверждают удаленность современного человека от животного мира. Однако культурная составляющая зооморфизмов связана, как правило, с их метафорическим использованием, имеющим многотысячелетнюю историю. Метафора представляет собой универсальное явление, свойственное любому языку. Столь же универсальна и персонификация элементов окружающего мира – следствие древнейшего анимализма, присущего некогда всем культурам; надделение животных душой и приписывание им разнообразных психологических особенностей человека – явление общее, но в каждом языке оно проявляется по-своему. Метафорика, сопутствующая многим названиям животных, в

действительности нацелена на вскрытие социальных и психологических особенностей человека, которые, с одной стороны, универсальны, с другой, культурно маркируются. Иными словами, конкретные реализации универсального приема метафоры этноспецифичны, причем сформировались они в своей основе в глубокой древности, и их анализ позволяет вскрыть архетипические истоки наших морально-этических представлений, закодированных в системе языка. Тем самым становится очевидно, что для выявления основ языковой картины мира трудно преувеличить важность всестороннего анализа коннотативной составляющей названий животных.

Метафорика в значительной степени проявляется во фразеологии. В лингвистической науке существуют разные точки зрения на объем данного понятия. В рамках данного исследования мы придерживаемся точки зрения тех лингвистов, которые включают в этот феномен широкий набор структурно-семантических разрядов: идиомы, фразеологические сочетания, пословицы и поговорки, крылатые выражения, штампы, клише. К этому подводит сама проблематика исследования, поскольку концептуальная система носителя языка, его картина мира складывается на основе всех компонентов, которые можно отнести к словарю, все они и должны подлежать анализу. Носитель языка упоминается не случайно. Дело в том, что при значительном сходстве индивидуальных картин мира тех, кто говорит на одном языке, концептосфера каждого индивида явно имеет идиосинкретические черты. И эта специфика обусловлена деталями лингвистического онтогенеза в самом широком смысле, не только языкового, но и в целом коммуникативного.

Проблемы взаимоотношения языка, культуры и сознания и процессы межкультурного общения в последние десятилетия занимают одно из важных мест в филологической науке. Поиск новых путей исследования привел к формированию представлений о межкультурной онтологии национальных (этнических) сознаний, когда образы сознания одной национальной культуры анализируются в процессе контрастивного сопоставления с образами сознания другой или других культур.

Нас интересует зооморфный код культуры, позволяющий выявить систему символов и эталонов, стереотипов национальной культуры, находящих отражение в языковом фонде языка, а также специфику мировосприятия носителей языка и культуры.

Эталоны существуют в языке в виде образных сравнений: *упрямый как осел, трусливый как заяц, выносливый как верблюд, здоровый как бык, злой как собака, хитрый как лиса*. Воспроизводимые из поколения в поколение, эталонные сравнения связаны с определенным миропониманием, потому что они являются, по справедливому замечанию В.Н. Телия, «результатом собственно человеческого соизмерения присущих ему свойств с «нечеловеческими» свойствами, носители

которых воспринимаются как эталоны свойств человека» (Telia, 1996: 241-242). Таким образом, эталон – это то, в чем образно измеряется мир. И как отмечает в своей работе В.А. Калинина (2007: 86): эталон – это устойчивое сравнение свойств человека или предмета со свойствами какой-либо реалии. В качестве реалии может выступать человек или натуральный объект, вещь, которые, с точки зрения обиходного культурного опыта людей, являются знаком доминирующего в них свойства: баран – глупый (глупый как баран), медведь – неуклюжий (неуклюжий как медведь), хитрый как лис и т.п. Основания таких устойчивых сравнений составляют один из важных культурных кодов в определенном культурном социуме и традиционно воспроизводятся в каждом поколении.

При изучении эталонов возникает интересный вопрос о причинах и источниках культурной мотивации эталона-сравнения в разных языках. Ответить на этот вопрос с полной определенностью не представляется возможным по причине большой разнородности фактов, лежащих в основе мотивации. В самом деле, почему в русском языке медведь олицетворяет неуклюжесть, косолапость (кто-либо неуклюжий, косолапый как медведь), в карачаево-балкарском наряду с этим и хитрость (*айыу акъыллы* «имеющий медвежий ум»), а во французском языке ours – нелюдим, бирюк (*vivre en ours*).

В объяснении мотивации значений эталонов надо, очевидно, иметь в виду действие различных факторов. В.Г. Гак отмечает объективный фактор, который «заключается в природных и культурных реальностях, свойственных жизни данного народа и не существующих в жизни другого», субъективный, который «состоит в произвольной избирательности, когда слова, отражающие одни и те же реальности, представлены различно во фразеологии разных языков» [Гак 1998: 260], и мифологический, который указывает на мифологическую подоплеку того или иного устойчивого компаратива, на анималистические представления древних людей: «Анимализм всегда остается тем смыслообразующим фоном, на котором формируются языковые и культурные стереотипы, поэтические образы и т.п.» (Maslova, 1997: 122-123). Стереотип, в отличие от эталона, – это тип, существующий в мире и измеряющий в основном деятельность, поведение.

Мы придерживаемся понимания стереотипа как «некоторого «представления» фрагмента окружающей действительности, фиксированной ментальной «картинки», являющейся результатом отражения в сознании личности «типического» фрагмента реального мира» [Русское культурное пространство 2004: 19]. Стереотипы логично подразделяются на те, которые могут рассматриваться как некоторый сценарий ситуации, и те, которые могут выступать как собственно представление, т.е. не только как канон, но и эталон. Причем они выступают как представление не о конкретном предмете или ситуации, а «о предмете или ситуации, так сказать, «вообще» (Russкое Kulturное prostranstvo, 2004: 19). Здесь подчеркивается абстрагированный характер стереотипов. Абстрагированность

является очень важным свойством стереотипа. Сравните, например, обиходно-бытовой стереотип *брать быка за рога* – начинать действовать энергично, решительно и сразу с самого главного; в этом фразеологизме отражен стереотип «решительного поведения» в обиходно-бытовой ситуации «укрошения» животного, бык выступает в роли эталона мощи и силы. В некотором отношении с данной фразеологической единицей коррелирует карачаево-балкарская поговорка *Адамны сёзюнден, ёгюзюню мюйюзюнден тутадыла* «Человека берут за слова, а вола – за рога». Известно, что у быка (вола) самое слабое место – это, как ни странно, рога. Метафорически образ данного фразеологизма абстрагируется и представляет в сознании человека множество стереотипных ситуаций.

В целом стереотип можно понимать как устойчивую ментальную окультуренную модель события, воплощением которой являются соотносимые с этой моделью (в частности, в форме фразеологизмов), его разные по языковой презентации виды, презентующие своего рода «инвариантный» смысл этой модели. Сюда надо отнести культурно-маркированные стереотипы, в которых закреплены предписывающие (предписывающие) формы поведения: ритуал, обряд, оберег, а также церемонию и этикет.

Наиболее полное определение стереотипа представлена у В.В. Красных, который интерпретирует стереотип как некоторую структуру ментально-лингвального комплекса, формируемого «инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его [образа-представления] национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций)» (Красных, 2003: 232-233). Выявляя систему координат лингвокультуры и ее подсистем (когнитивной, метафорической, эталонной, символической) данный автор приходит к выводу, что все четыре уровня лингвокультуры не разделяются категорически и жестко не разграничиваются, напротив: границы между ними гибки и прозрачны. Это значит, что один и тот же феномен может выполнять символическую и эталонную функции, а также лежать в основе образа метафоры. Например, змея (стереотип) – эталонный носитель коварства, курица (стереотип) – эталонный носитель глупости (Красных, 2003: 66). Существование этих кодов является универсальным. Однако зооморфные коды, стремясь к сохранению универсальных черт, отличаются национальным своеобразием. Втянутые человеком в мир его преобразований, животные, играя важную символическую роль в мифопоэтической картине мира, выступают как эталонные носители тех или иных качеств человека.

Интересно соотношение универсального и специфического в зооморфных кодах четырех разных культур на конкретных примерах в трех разноструктурных языках – французском, кабардино-черкесском, карачаево-балкарском и русском.

Как показывает анализ фактологического материала, самый большой удельный вес зоометафор связан с домашними животными. Это и понятно, именно домашние животные играли значительную роль в жизни человека, они его давние и верные спутники с самого детства до глубокой старости, у них он учился и приручал их сам. Опыт человека, его наблюдения и отражаются в зооморфных стереотипах-образах.

Последовательность изучения зооморфного стереотипа-образа не исходит, однако, в нашей работе из традиционного деления животных на домашних, диких, птиц, рыб и т.п. Исходя из тезиса, что язык есть одна из форм фиксации национально-культурного наследия, что повседневный опыт человека отражен в языке, мы считаем, что удельный вес тех или иных зоометафор показывает нам отношение человека к окружающему его миру, выявляет своеобразие его мировидения, его связь с материальной и духовной жизнью своего народа. При восприятии зооморфного мира человеком представители животного мира выступают чаще всего как эталонные носители отрицательных черт характера человека. И даже в тех случаях, когда фиксируется положительная характеристика, в большинстве случаев она вызывает ироническое отношение.

Один из сложных и интересных вопросов сегодняшней лингвистики уже поставлен: «...как происходит фиксация и объективизация в сознании человека определенных знаний с помощью языковых средств, которые выделяются в отдельную сущность и характеризуются явными (определенными) границами!» (Kubryakova, 2004: 306).

Как и почему человек подвергает таксономии фрагменты окружающего его внешнего мира и собственной внутренней мыслительной деятельности, на основании чего он выносит суждение о тождестве вещей? Карачаево-балкарская традиция делит человеческую жизнь на этапы, прибегая к иносказаниям. Для носителей карачаево-балкарского языка мы имеем следующую модель по возрастной шкале, сопряженную с физическими и умственными возможностями человека: *Онбеш – улакь, отуз – арслан, кьыркь – кьаплан, алтмыш – айыу, тохсан – тели* «(В) пятнадцать – козленок, тридцать – лев, сорок – тигр, шестьдесят – медведь, девяносто – дурак» [Джуртубаев 1991: 54]. В реальной жизни, видимо, для человека существенна, прежде всего, идея сходства, аналогии, подобия. Этапы человеческой жизни, представленные зоометафорами, отражают коллективный опыт и коллективное видение мира. Эффект зоометафоры («козленок», «лев», «тигр», «медведь» и т.п.) состоит в том, что он возбуждает всю систему ассоциаций, связанных с конкретным животным и присоединяет их к главному субъекту – человеку, который обозначается как носитель этих свойств.

Следует отметить, что зоометафора в данном контексте связана с прагматической деятельностью сознания и аналогия направлена на поиск к внешним по отношению к объективным свойствам фрагментов действительности,

признакам: «козленок» – быстрый, неосторожный, шумный; «лев» – хищный, грозный, сильный; «тигр» – хищный, пластичный, опасный, хитрый; «медведь» – грозный, тяжелый. Данные особенности проецируются на человеческую жизнь, давая возрастную характеристику в пятнадцать лет – свободный, неугомонный, радостный, беззаботный, легкомысленный, в тридцать – смелый, бесстрашный, в сорок – уверенный, опытный, в шестьдесят – мудрый, спокойный, уравновешенный. По наличию одного человек может легко догадаться о наличии другого: «...знание единицы базисного уровня – прототипа – означает знание не только самых простых, очевидных, существенных и пр. признаков, но и признаков, скореллированных между собой и в каком-то смысле взаимосвязанных и даже одновременно присутствующих» Kubryakova, 2004: 110).

В чем специфика содержания зооморфного образа-стереотипа карачаево-балкарского языка? Что дает основания усматривать в таких образах отражение национальной специфики культуры этноса, говорящего на карачаево-балкарском языке? На эти вопросы помогает дать ответ нижеследующий фактологический материал.

1. *Къуш* (кар.-балк.) – орел (в тюркских языках изначально – птица). *Къушбурун* «горбоносый, крючконосый» (букв.: с орлиным носом) репрезентирует отрицательную характеристику внешнего вида человека, хотя имеет место и его положительная характеристика относительно фигуры: *къыргъый санлы* «стройный, статный, изящный (со статью коршуна)». Адъектив *къушкъанат* «окрыленный, воодушевленный» (букв.: орлиное крыло) ориентирован на выражение состояния лица. Это особенно актуализируется во фразеологических единицах *къушкъанат битди* «окрылился, воодушевился», *къушкъанат бол* «окрыляться, воодушевляться». Небезынтересен тот факт, что быстрота скакуна в карачаево-балкарской культуре передается через адъективное слово *къушжетер* «быстрый (тот, кто догонит орла)». Ср. также фразеологизм, характеризующий мужчину, *учхан къушдан тюк алгъан* «ловкий, хваткий (букв.: тот, кто может достать перо летящего орла)».

Образ орла ассоциируется с мужским началом, с храбростью, свободолюбием. В карачаево-балкарском языке представляется возможным прямо сравнивать храброго, смелого, гордого мужчины с орлом (с оттенком одобрения, восхищения), что доказывается дескрипциями типа *тау къушу* «горный орел». Ср. также название романа известного балкарского писателя «Тау къушла» («Горные орлы»).

2. *Эшек* (кар.-балк. яз.) – осел, ишак. У карачаевцев и балкарцев данная зоолексема обозначает тупого упряма. В разговорной речи употребительно выражение, характеризующее лицо в данном отношении: *Эшекден туугъан эшек!* «Осел родившийся от осла! (ишачье отродье)». Также достаточно релевантно обратиться к паремии, употребляющейся иронично в целом ряде жизненных ситуаций, *Эшегинг жокъ эсе да, киеюнгдамы жокъду?* «Если даже ишака нет,

неужели у тебя нет зятя?». О печальном человеке среди карачаевцев и балкарцев говорят *Эшеги ёлгенди* букв.: У него умер осел. Это вполне понятно, если учесть тот факт, что в труднодоступной местности (в горах) человека больше выручало именно это животное, ср. также поговорку *Эшекни иши – халал, сютю – харам* «У ослицы труд приемлем, а молоко – нет».

3. *Губу* (кар.-балк. яз.) – паук. Данное слово в карачаево-балкарском языке употребительно и в переносном значении «кровопийца, угнетатель». Данная семантика присуща и для фразеодескрипции *къан ичичю губу* «паук, пьющий кровь».

В ряде культур с предубеждением относятся к пауку. Имеет место негативное отношение к образу «паука». У карачаевцев и балкарцев существует примета, что убивать паука – не к добру. Его следует вынести аккуратно из дому. Однако это следует из поверья, что паук – к деньгам. У карачаевцев и балкарцев паука, жившего в доме, нельзя было трогать, поскольку благодаря ему в доме сохраняется изобилие. В пользу этого свидетельствует номинация *ырысхы губу* «паук достатка». Не надо сбрасывать со счетов и легенду, воспринятую через ислам, согласно которой, паук спас пророка Мухаммада, скрывавшегося от недругов в пещере, затянув вход в нее паутиной. Культурный комментарий этого образа включает в себя архетипическое противопоставление «добро-зло», что и легло, как мы можем предполагать, в основу зооморфного образа.

4. *Ёгюз* (кар.-балк. яз.) – вол. В карачаево-балкарском языковом сознании также образ вола репрезентируется весьма часто посредством поговорок. *Ёгюзю болмагъан танасын жегер* «Не имеющий вола запрягает теленка»; *Жарлыны танасы ёгюзлюк этер* «Теленок бедняка заменит вола» – вынужденная необходимость. *Ёгюз боюнсаны кёргенде, ийнеке дей эди, челекни кёргенде, ёгюзме дей эди* «Увидев ярмо, вол говорил, что он корова, увидев ведро, говорил, что вол» – нежелание работать, ленность. *Ёгюз арба бла чарсха чапханча* «Словно тот, кто на воловьей арбе участвовал в скачках» – недалёковидность, не соизмерять своих возможностей. *Ёгюзден сют чыкъмаз, эшеке мойюз чыкъмаз* «От вола нет молока, у ишака рога не вырастут – о несбыточности чего-либо. *Ёрюзмек ийнегин ёгюздю деп сатханлай* «Словно Ёрюзмек, который продавал корову, выдавая ее за вола» – подмена понятий. *Сабандан келген ёгюзча* «Словно вол, возвращающийся с пашни» – состояние чрезмерной усталости. *Ёгюзча ишлерге* – работать как вол; *ёгюзча къарылу* – сильный как вол. Бык в карачаево-балкарской лингвокультуре – мерило здоровья, силы, ср.: *бугъабоюн (бугъа боюну)* «сильный», букв.: имеющий бычью шею.

5. *Мал* (кар.-балк. яз.) – богатство, имущество, состояние, добро. *Малгъа бат* «богатеть, разбогатеть», букв.: утонуть в скоте. *Малкёз* – алчный, корыстолюбивый, жадный; букв.: скотина-глаз, ср. также *малкёзлюк* «алчность, корыстолюбие, жадность». *Хайыуан* (кар.-балк. яз.) – 1) о грубом, оскорбительном,

унижающем отношении кого-л. к кому-л.; 2) о глупом, недогадливом человеке, ср. также *хайыуан эт ашагъан* (букв.: съевший мясо скотины). *Жаныуар* (кар.-балк.-яз.) – зверь (о человеке грубом, жестоком).

Животное (рус. яз.) – скотина – о жестком, грубом, ограниченном человеке.

6. *Теке* (кар.-балк. яз.) – *къарт теке* «старый хрен» (букв.: старый козел) – бранное выражение по отношению к старому человеку. *Теке къалкъыу* «дремота» (букв. козлиный сон). *Текеле* – 1) властвовать над кем (обычно козел – вожак стада); 2) красть, присваивать что (вседозволенность). *Текота* – лестный, льстивый.

7. *Къой* (кар.-балк. яз.) – смиренный: *Къонакъ къойдан жууаш* «Гость смиреннее овцы». *Къой ауузундан чѣп юзмеген* «спокойный, безвредный» (букв.: не сорвавший соломинки со рта овцы). *Къой териге кирип айлан* «притворяться смиренным» (ходить в овечьей шкуре) – притворство. *Къой жилиан* – уж (букв.: овца-змея). Данная зоолексема также ориентирована на выражение мерила богатства: *Къой кютген* – *байлыкъгъа*, *жылкъы кютген* – *субайлыкъгъа* «Оцеводство – ради богатства, коневодство – ради престижа»; *Къой* – *байлыкъ*, *жылкъы* – *субайлыкъ* «Овцы – богатство, лошади – престиж».

8. *Гаммеш* (кар.-балк. яз.) – *гаммеш кибик* груб. «как буйволица (о большой дородной женщине)». *Балчыкъда аунагъан гаммешлей* – (букв.: как буйвол валявшийся в грязи) – грязный (физически).

9. *Банпуш* (кар.-балк. яз.) – утка. *Банпушча чайкъала* – переваливаясь как утка (обычно о женщине, ходящей вперевалку). *Банпуштамакъ* – о человеке с басистым голосом (букв.: утка-горло).

10. *Киштик* (кар.-балк. яз.) – кот / кошка. *Киштикни отха тартханча* «бояться как черт ладана» (букв.: как кошку к огню тянуть) – состояние страха. *Шорпа баш жалагъан киштикча* – о нашкодившем человеке (букв.: как кошка, которая облизала навар шурпы). *Ач юйню киштигича* (*киштигинлей*, *киштиги кибик*) – 1) об очень худом человеке; 2) о ненасытном человеке (букв.: как кошка голодного дома). *Жѣрмеге жеталмагъан киштик кибик* (*киштиклей*, *киштикча*) – о человеке, который прилагает тщетные усилия для достижения чего-либо (букв.: как кошка, которая не дотягивается до домашней колбасы). *Киштикге киринг дарманды дегенлеринде*, *бастыргъан эте эди* – о жадном, скаредном человеке (букв.: Когда кошке сказали, что ее кал обладает лечебными свойствами, она стала зарывать его в землю).

11. *Ат* (кар.-балк. яз.) – лошадь. В повседневной жизни традиционно у тюркских народов лошадь обладала особым статусом: *Арыстан* – *аң патшасы*, *жылқы* – *мал патшасы* «Лев – царь зверей, лошадь – царь домашнего скота»

[Токтабай 2004: 3]. Различные номинации лошади в карачаево-балкарском языке призваны для аксиологической характеристики женщины: *айгъыр* «жеребец» – необузданная, неукротимая женщина; *байтал* «кобыла» – крупная сильная женщина. В этом ряду находятся компаративные дескрипции типа *ат кибик* «как лошадь» – о рослой женщине; *туу байтал кибик* «как необъезженная, не прирученная к езде кобыла» – о неукротимой женщине. В традиционной культуре лошадь для мужчины – крылья: *Ат эрни къанатыды* «Лошадь – крылья мужчины». Это становится понятным, если учесть тот факт, что «лошадь является незаменимым помощником мужчины-воина, труженика, кормильца и т.д.» [Кетенчиев, Аппоев 2011: 108]. *Бир атны бойну бла сау жылыкъы суу ичер* «Благодаря одной лошади целый табун может утолить жажду» – о лидере в обществе. *Ат муратха жетдирир* «Лошадь до цели доведет», т.е. лошадь является сподвижником при достижении цели.

12. *Ит* «собака» (кар.-балк. яз.) – бранное слово по отношению к человеку. *Ит биченге жатханлай* «собака на сене» – о человеке, который сам ничего не делает и другим не дает делать. *Ит ауруу* «горячка, всякая тяжелая заразная болезнь» (букв.: собачья болезнь). *Итден туугъан* (*итден туугъан ит* – более эмоционально) – 1) сукин сын (бранное слово); 2) чертенок (ласкательно о ребенке). По отношению к ребенку также употребительно *итни кючюгю* «щенок собаки». *Итлени суугъа сурген* «гоняющий собак на водопой» – о бездельнике. *Ит ылыгъын сынагъан* «мучающийся, страдающий» – о человеке, который страдает от того, что не знает способа, который облегчает деятельность. *Къутургъан ит* «бешеная собака» – о чрезмерно злобном человеке. *Ауузунда ит ёледи* (букв.: У него во рту собака дохнет) – о сквернословие. *Ит болмагъан жерде тюлкю юрюр* «Где нет собаки, там лает лиса» – по отношению к некомпетентному человеку.

13. *Тонгуз* «свинья» (кар.-балк. яз.) – о нечистоплотном во всех отношениях человеке, ср. также *кирли тонгуз* «грязная свинья». *Тонгузла кюте къаллыкъ!* «Чтобы ты оставался пасти свиней!» – зложелание по отношению к недругу. *Тонгуз тынгылауну ийген* – не обращающий внимания на чьи-либо наставления. *Тонгузгъа таякъ татымаз* «плохого палкой не воспитаешь» (букв.: на свинью палка не действует).

14. *Къаргъа* «ворона» (кар.-балк. яз.). В карачаево-балкарской лингвокультуре имеет место оппозитивное представление о данной птице: *аман къаргъа* «недобрая ворона» (которая каркает к несчастью), *огъурлу къаргъа* «добрая ворона» (которая каркает к добру). Увидеть ворону с белой отметиной считалось добрым предзнаменованием. В традиционном фольклоре ворона представлена как заступница, охранительница. Но ворон (*къузгъун*) считался недоброй птицей. *Къузгъун кибик къычыргъан* «каркающий как ворон» – о человеке, легко впадающем в панику, склонном предрекать недоброе. *Къаргъа*

къабар эти жокъду «Даже вороне нечем поживиться» – о ком-либо очень худом. *Къаргъаны-къузгъунну тилин билген* «знающий птичий язык» – о много знающем человеке.

15. *Ласточка* (рус. яз.) – в карачаево-балкарском языке имеет только положительную характеристику: обращение к близкому, любимому человеку (девушке, девочке). Ср. *къарылгъашчыгъым* «моя ласточка».

16. В среде карачаевцев и билкарцев *къоян* «заяц» в первую очередь ассоциируется с трусостью: *къоянжюрек* (*къоян жюрекли*) «пугливый, трусливый» (букв.: имеющий заячье сердце), *къоян бол* «становиться трусливым» (букв.: превратиться в зайца). Данная зоолексема употребительна в составе сложных слов, призванных для характеристики внешнего вида человека: *къоянжух* «имеющий морду, похожую на заячью», *къоянкѣз* «имеющий глаза, похожие на заячьи», *къоянкъулакъ* «большеухий».

17. *Аслан* (кар.-балк. яз.) – лев. *Аслан кѣлю* (*жюрекли*) «храбрый, как лев» (букв.: имеющий львиное сердце) – об очень смелом человеке. *Асланны къарыны ач да, кѣлю токъ* «У льва (богатыря) хоть желудок пустой, но сердце гордое». *Асланны баласы аслан болур* «Детеныш льва вырастет львом» – от храброго храбрый рождается (о человеке).

18. *Бѣрю* (кар.-балк. яз.) – *къарт бѣрю* «старый волк» – о бывалом, выдавшем виды человеке, ср. также *ушкокга юйренген бѣрю* «стреляный воробей» (букв.: привыкший к ружью человек). *Бѣрю тон кийген* – о пришедшем в ярость человеке (букв.: надевший волчью шубу). *Бѣрю атарыкъ бѣркюнден белгили* «Того, кто осилит волка, и по шапке видно» – аксиологическая характеристика мужчины. *Бѣрюню ауузуна бѣрек атханча* «Всё равно, что волку пирожок подбросить».

Таким образом, как свидетельствует рассмотренный выше фактологический материал (данный материал не исчерпывается представленным), зооморфный стереотип-образ отражает мировосприятие носителя национальной культуры, что, естественно, отражает качество сознания человека – носителя определенной культуры, обнаруживает богатую образную структуру и своеобразную антропоцентричность, которая передается из поколения в поколение.

ЛИТЕРАТУРА

- KETENÇIYEV M.B. (2010) Strukturno-semantiçeskaya organizasiya prostogo predlojeniya v караçаево-балкарском языке. - М.: Pomatur, 2010. - 274 s.
- KETENÇIYEV M.B., APPOYEV A.K. (2011) Etnokulturnaya sostavlâüşçaya zoolekseми «loşad» v караçаево-балкарском языке // İzvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obşçestvenniye nawki. - 2011. - №2. - S. 106-109.
- Gak V.G. Yazıkoviye preobrazovaniya. - М.: Şkola «Yazıkı russkoy kulturi», 1998. - 768 s.
- CURTUBAYEV M.Ç. (1991) Drevniye verovaniya balkarsev i караçаевsev. - Nalçık: Elbrus, 1991. - 256 s.
- KALİNİNA A.V. (2007) Vnutrennâya forma idiom russkogo i fransuzskogo yazıkov. - М.: İnfomediya Pablşerz, - 160 s.
- KRASNIH V.V. (2003) «Svoy» sredi «çujih»: mif ili realnost? - М.: Gnozis, 2003. - 375 s.
- KUBRÂKOVA E.S. (2004) Yazık i znaniye: Na puti poluçeniya znaniy o yazıke: Çasti reçi s kognitivnoy toçki zreniya. Rol yazıka v poznanii mira. - М.: RAN İYa. Yazıkı slavânskoy kulturi, - 560 s.
- MASLOVA V.A. (1997) Vvedeniye v lingvokulturologiyu. - М.: Nawka, 1997. - 125 s.
- Russkoye kulturnoye prostranstvo: Lingvokulturologiçeskiy slovar / İ.S. Brileva, N.P. Volskaya, D.B. Gudkov, İ.V. Zaharenko, V.V. Krasnih. - Vıp. 1.- М.: Gnozis, 2004. - 318 s.
- TELİYA V.N. (1996) Russkaya frazeologiya. Semantiçeskiy, pragmatiçeskiy i lingvokulturologiçeskiy aspektı. - М.: Şkola «Yazıkı russkoy kulturi», - 288 s.
- TOKTABAY A.U. (2004) Kult konâ u kazahov. - Almatı, - 124 s

